

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-76-107-122>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)4

Научная статья/Research article

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-No Derivatives 4.0
(CC BY-ND)

© 2025 г. О.А. Туфанова
Москва, Россия

СПЕЦИФИКА ЛЕТОПИСНЫХ СЮЖЕТОВ О ДЕВИАНТНОМ ПОВЕДЕНИИ ЛЮДЕЙ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ ЭПИДЕМИЙ

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 24-28-00091, <https://rscf.ru/project/24-28-00091/>) в ИМЛИ РАН*

Аннотация: В статье рассматриваются художественные особенности летописных рассказов об эпидемиях. Как и другие записи о повторяющихся экстремальных исторических событиях, они представлены в летописях в двух основных формах. В большинстве случаев сообщения о той или иной эпидемии носили характер погодной записи, что можно рассматривать как некую нормативную форму повествования об этом экстремальном событии, в рамках которой был выработан ряд устойчивых речевых формул, констатирующих специфику патогенной ситуации и ситуативно отклоняющееся поведение людей. Развернутые повествования об эпидемиях, зафиксировавшие как положительное, так и отрицательное отклонение, дают яркие летописные образцы антимодели и идеальной модели поведения для христианина во время моровых поветрий. Внезапно поражающие людей смертоносные болезни изображаются как своеобразные стрессоры, приводящие к «девиантному» поведению, которое находит выражение в крайних проявлениях либо коллективного благочестия и действенного милосердия (рассказ о чуме 1352 г. в Псковской 1-й летописи, Псковской 2-й летописи, Патриаршей или Никоновской летописи; рассказ о «Семеновском» море в Великом Новгороде и его окрестностях в 1466–1467 гг. в Летописи Авраамки, рассказ о моровом поветрии 1533 г. в Новгородской летописи по списку П.П. Дубровского), либо массового цинизма и мародерства (рассказ о моровом поветрии 1654 г. в Москве в Летописце 1619–1691 гг.). Отличительной особенностью «девиантных» текстов об эпидемиях является не только трехчастная сюжетная схема, но и вплетение оценочных элементов после каждого упоминания о том или ином деянии, что связано с особенностями аргументативной структуры бессюжетного «девиантного» повествования, предполагающей разделение небольших, контрастных по образам и описываемым деяниям перечней короткими или пространными оценочными суждениями летописца.

Ключевые слова: летопись, «девиантный» текст, рассказы об эпидемиях, моровое поветрие, сюжетная схема, мотив смерти, формы повествования, отклоняющееся поведение.

Информация об авторе: Ольга Александровна Туфанова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2254-7969>

E-mail: tufoa@mail.ru

Дата поступления статьи: 14.04.2025

Дата одобрения рецензентами: 14.05.2025

Дата публикации: 25.06.2025

Для цитирования: Туфанова О.А. Специфика летописных сюжетов о девиантном поведении людей в экстремальных ситуациях эпидемий // Вестник славянских культур. 2025. Т. 76, С. 107–122.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-76-107-122>

Экстремальная ситуация, по определению доктора психологических наук М.Ш. Магомед-Эминова, — это «онтологическая в своих основаниях ситуация бытия личности в мире и времени в переходах повседневного... и неповседневного... модусов бытия личности» [11, с. 2], т. е. это ситуация, которая актуализируется «событием существования личности» «за пределами <...> обыденного, обычного жизненного мира» [9, с. 14], в обстановке, которая «складывается на определенной территории в результате воздействия сил техногенного, природного характера, а также преступных действий человека (людей), угрожающая человеческими жертвами, большим материальным ущербом» [18, с. 143–144] и т. д.

Экстремальные ситуации принято делить на катастрофические, т. е. «локализованные в определенных пространственно-временных границах», когда «люди хотят как можно быстрее устранить и нивелировать ее последствия», поскольку ситуация «нежелательна и отвергается» [9, с. 17] ими, и некатастрофические, т. е. связанные с профессиональной деятельностью людей и задачей «технического» овладения природой (см. подробнее: [25; 9, с. 17]).

В фокусе постоянного внимания летописцев на протяжении всей истории древнерусской словесности находились в основном именно катастрофические экстремальные ситуации, такие как природные катаклизмы, эпидемии, войны, которые чаще всего фиксировались в форме краткой констатации факта. Но иногда рассказ о них приобретал характер развернутого повествования. В частности, летописное воинское повествование имело, согласно исследованию Н.В. Трофимовой, «две основные формы: погодной записи воинского содержания <...> и воинской повести...» [21, с. 10]. Рассказы об эпидемиях¹ тоже имеют в летописях две основные формы.

В большинстве случаев сообщения о той или иной эпидемии носили характер погодной записи, что можно рассматривать как некую нормативную, типичную форму

¹ Записи об эпидемиях в летописях довольно хорошо изучены историками отечественной медицины, которые не раз предпринимали попытки описать ту или иную болезнь, отмечали, где и когда она появилась, степень ее распространенности [26; 5; 2; 20; 14]. В данной статье предметом анализа будет не медицинский и не исторический аспект, а литературоведческий, нас интересует, как летописцы рассказывали об эпидемиях, какие существовали оригинальные и типичные приемы изображения этих повторяющихся экстремальных событий, т. е. погодные записи и повествования об эпидемиях как своеобразная «литературная ситуация, в центре которой представлен человек перед лицом смерти» [7, с. 35].

повествования об этом экстремальном событии. Например, в Псковской 1-й летописи представлено довольно большое количество подобных записей. Среди них есть предельно лаконичные погодные записи, констатирующие самый факт эпидемии: «В лѣто 6915 (1407) <...>. Тогда во Псковѣ бяше моръ великъ зѣло...» [32, с. 29–30]; «В лѣто 6929 (1421). Бысть моръ великъ во градѣ Псковѣ...» [32, с. 34]; «В лѣто 6933 (1425) <...>. Того же лѣта бысть моръ великъ во Псковѣ, мроша люди во градѣ и по всем области Псковской железю» [32, с. 35]; «В лѣто 7015 (1507) <...>. Того же лѣта бысть моръ зол велми в Новегороде» [32, с. 91]. Параллельно с ними встречаются записи о прекращении мора с указанием на продолжительность эпидемии: «В лѣто 6934 (1426) <...>. Того же лѣта преста моръ во Псковѣ на зиму, а былъ тои моръ во Псковѣ и по всей области от Ильина дни до Крещения господня» [32, с. 35]; «В лѣто 6951 (1443). Преста моръ во Псковѣ на Дмитреев день на осень, а по пригородомъ и по волостемъ еще мерло и до Крещения господня» [32, с. 46].

Нередко летописец распространял устойчивую речевую формулу «Бысть моръ великъ», сообщая о том, чьи жизни унес мор, но и это сообщение носило максимально обобщенный, безличный характер и тоже принимало характер устойчивой речевой формулы: «В лѣто 6974 (1466) <...>. Того же лѣта бысть моръ во Пскове: мряхоу моужи и жены и малыя дѣти, и по пригородом и по волостем...» [32, с. 71]; «В лѣто 6995 (1487). <...> Того же лѣта бысть моръ во Пскове: мряхоу моужи и жены и малыя дѣти по пригородом и по волостем...» [32, с. 80]; «В лѣто 7014 (1506). <...> Мор безымянной. Того же лѣта бысть моръ во Пскове зол вельми: мряхоу бо моужи и жены и малыя дѣти, и по пригородом и по волостем; а то моръ безымянной мряхоу бо людей много» [32, с. 91].

Иногда в погодных записях летописец называл болезнь и указывал на то, что она очень быстро приводила к смерти: «В лѣто 6868 (1380). Бысть въ Плесковѣ втории моръ лютъ зѣло; бяше бо тогда се знамение: егда комоу гдѣ выложится железа, то вскорѣ оумирахоу мнози тою болѣзнью, много же время тои смерти належащи на людех» [32, с. 22–23]; «В лѣто 6912 (1404). <...> Того же лѣта бысть моръ во Псковѣ, почаше мрети с спасова дни, мряхуть первое малыя дѣти, и по томъ старыя и младыя мужескъ полъ и женескъ; а знадба бяше сицева: аще кому гдѣ явится железа, тои на другии день или на третии оумирааше, а рѣдкий востааше в тои болѣзни; а пришел бяше тои моръ из Немецкой земли, из Юриева» [32, с. 27]; «В лѣто 6950 (1442). <...> Того же лѣта бысть моръ во Пскове великъ зѣло, мряху мнози мужи и жены и младыя дѣти; а знамение бысть тако: аще оу кого явится железа, тои наскорѣ оумираше; а начаша мерети канунъ Николина дни зимняго, и мряху все лето» [32, с. 46].

В ряде развернутых погодных записей, например в Симеоновской летописи под 6854 (1346) г. о море в Орде и под 6872 (1364) г. о море в Нижнем Новгороде и его окрестностях, констатация патогенной ситуации при помощи устойчивой речевой формулы, обозначающей тему фрагмента: «бысть моръ великъ» [28, с. 95]; «бысть моръ силенъ великъ» [28, с. 102], — и мотив быстрого развития болезни сочетались с поэтикой перечисления народов, пострадавших во время эпидемий, или мест, где наблюдалась большая смертность людей. В этих развернутых записях, как и в кратких записях Псковской 1-й летописи, вместо рассказа о поведении людей во время продолжительного по времени экстремального события внимание книжника было сосредоточено на том, чтобы показать масштаб бедствия — не только через прием перечней, но и путем использования топоса, фиксирующего ситуативно отклоняющееся поведение: «яко не бѣ мощно живымъ мертвыхъ погребати» [28, с. 95], «яко не поспѣваху живии мертвыхъ погребати» [28, с. 102].

Во многих как развернутых, так и кратких погодных записях сообщалось о том, что «в городах, пораженных эпидемиями, организовывались церковные общественные богослужения и крестные ходы» [12, с. 102], для чего жители иногда вынужденно просили приехать архиепископов из других городов. Так, в Псков во время чумы 1360 г. был приглашен новгородский архиепископ Алексей, во время чумы 1389 г. — новгородский владыка Иван. С конца XIV столетия для прекращения моровых поветрий в Псковской и Новгородской землях, в Московской Руси часто строили обыденные храмы [17, с. 250; 12, с. 107–112]. Подобные случаи регулярно фиксировались в различных летописных сводах. Например, в Летописи Авраамки под 6898 (1390) г. читается запись: «...в лѣто 6898 (1390). Той же осени моръ бысть силенъ вельми в Новѣгородѣ <...>. Тогда поставиша церковь святаго Афанасья въ единъ день; и свяща ю архіепископъ Новгородскый владыка Іоанъ, съ игумены, и с попы и с крилосамъ святыя Софіа, и службу сверши; Божьею милостью святыя Софіа стояніемъ, и владычьею молитвою и благословеніемъ преста моръ» [29, стб. 134–135]. В Псковской 1-й летописи запись о Варлаамском море под 6974 (1466) г. также завершается лаконичным рассказом о поставлении церкви: «Того же лѣта бысть мор во Пскове <...>; да и церковь поставили на Званицы во имя преподобнаго Варлама, и свершили и освящали и литургию пѣли священники и дьякон въ день недельный...» [32, с. 71].

В целом, практически все летописные погодные записи об эпидемиях носили характер устойчивых речевых формул с неизменными оценочными эпитетами мора как «великого», «лютото», «сильного» и указанием на большую смертность среди населения того или иного города. Частая повторяемость эпидемий и, как следствие, привычные в ситуации всеобщей хвори картины жизни людей привели к выработке определенного стилистического и композиционного шаблона для фиксации этих экстремальных ситуаций, что нашло отражение и в лаконичном типовом описании течения болезни, и в традиционном упоминании религиозного способа избавления от напасти (богослужения, крестные ходы, строительство обыденных храмов), и в не менее традиционном для исторического повествования Древней Руси трансцендентном объяснении эпидемий как Божьего гнева на людей за грехи [8; 12, с. 78–89; 6, с. 121; и др.]. Стоит, правда, заметить, что не во всех погодных записях есть подобное объяснение; время от времени встречаются и реалистические объяснения (из какой земли пришел мор, вследствие какого природного катаклизма распространилась болезнь). Немаловажно и то, что в погодных записях, как правило, нигде не упоминается, за какие грехи был наказан город, и не детализируется, как вели себя люди во время мора, за исключением лаконичных упоминаний о действиях священнослужителей (эта особенность, как будет показано ниже, характерна в первую очередь для Псковской 1-й летописи).

Такой вывод подтверждает и еще одна погодная запись, в которой летописец прямо говорит о привычности моровых поветрий для Псковской земли и необычности их для москвичей: «В лѣто 7029 (1521). Мор. Того же лѣта мор во Пскове: мряхоуть бо моужи и жены, старья и младья, а от гости и от лоутчих людеи без мала всѣ не изомроша, а москвичам то бысть посещение божіе моровое не обычно; а почало мерети от Ильина дни, а гости хто приметца у кого за живот, и тот весь вымреть; и первое почаше мерети на Петровской улицы оу Юрья у Табулова оу сведеного...» (курсив мой. — О.Т.) [32, с. 102].

Все упомянутые выше элементы встречаются и в другой летописной форме рассказа об эпидемиях — в развернутых повествованиях, где смертоносные болезни, внезапно поражающие людей, изображаются как своеобразные стрессоры, приво-

дящие к «девиантному» поведению. В составе памятников исторического повествования обнаруживаются такие «девиантные» тексты², общая сюжетная схема которых включает, как правило, три основных элемента: 1) описание исходной ситуации; 2) собственно рассказ о поступках героев и 3) прямо или опосредованно выражающая мнение автора или редактора текста дискурсивная или эмоциональная оценка (подробнее см.: [22, с. 283]). И поскольку феномен экстремальности, порождающий аномальное поведение у людей, подобен, согласно М.Ш. Магомед-Эминову, «двуликому Янусу, который одним своим ликом направлен на страдание, мученичество и расстройство, а другим — на испытание, стойкость, мужество и рост» [10, с. 53], а само понятие девиантности определяется как отрицательное и положительное отклонение от нормы, то и «девиантные» тексты, посвященные экстремальным ситуациям эпидемий, можно разделить на две группы, фиксирующие, соответственно, отрицательное или положительное отклонение в поведении людей.

Так, в составе Псковской 1-й летописи под 6860 (1352) г. читается «девиантный» текст, запечатлевший положительное отклонение во время эпидемии, пришедшей «из Индииския земля от Солнечна града» [32, с. 22]³. Исходная ситуация, описывающая кризисное для людей положение и провоцирующая отклоняющееся от нормального в повседневной жизни поведения, напоминает типичные погодные записи о море: «В лѣто 6860 (1352). Бысть морѣ зол во градѣ Псковѣ и по селом, смерти мнозѣ належащи; мряху бо люди, моужи и жены, старыя и млада и малыя дѣтки и попове и черныцы и черницы. Бяше бо тогда знамение смертное сице: аще кто отхранет кровью, то на другии день или на 3-и оумирает» [32, с. 21]. Эпидемия, охватившая все население Пскова (обратим внимание на расширение традиционного для таких записей перечня умерших), становится своеобразным «девиантогенным фактором»⁴, а ведущий в рассказе триггер-мотив смерти обуславливает отклоняющееся поведения людей и является первопричиной дальнейшего развития событий⁵.

Близость и страх смерти, которая на всех «вынизает многоядныя своя зуобы» [32, с. 22], побуждает многих псковичей задуматься о своей душе и идти в монастырь, принять постриг: «То въскорѣ помышляше о своем животѣ, или о души, да сего ради мнозѣ идяхоу в монастыри, или мужи или жены, и постризахоуся во мнишескыи чин и аггельскому образу сподобляхоуся, тѣла и крови христови причастившеся...» [32, с. 21]. Другие в предчувствии смерти, печалась о том, что их ждет в жизни вечной, в миру раздают все свое имущество, помогают убогим и нищим: «Дроузии же в миру в домех своих тако же готовляхоуся на душевныи исход, о душах своих печалующеся, и имѣние свое отдающе въ милостыню церквам и манастирем, попом, духовным отцам и нищим, маломощным, оубогым, кормяще и напаяюще и милостынею оучрежающе <...>. Ови от богатества села давахоу святым церквам или манастирем...» [32, с. 21].

² Под «девиантным» текстом понимаются фрагменты, в фокусе которых находится поступок или действия человека (группы людей), который воспринимается и оценивается книжником как противоречащий общепринятым нормам и ожиданиям общества или неординарный, экзотический, диковинный. См. подробнее: [22, с. 274–276].

³ Реконструкция общей картины эпидемии чумы проведена в работе [15].

⁴ Под девиантогенным фактором, вслед за работой Я.И. Гилинского, понимается «противоречие (“напряжение”, strain) между потребностями людей и реальными возможностями (шансами) их удовлетворения, зависящими, прежде всего, от места индивида или группы в социальной структуре общества...» [3, с. 193].

⁵ Данная особенность характерна и для «девиантных» текстов иной тематической группы [22, с. 282–287; 23; 4].

Подобное поведение людей в ситуации «великой бѣды» [32, с. 22], как называет ее летописец, когда свирепствуют «болѣзнь люта и смертное то жало» [32, с. 22], не щадящее никого (ни богатых, ни бедных, ни убогих, ни мужчин, ни женщин, ни детей), когда «мнози въскорѣ и напрасно оумирахоу» [32, с. 22] и «мнози бо мняху тогда, яко же всѣм помрети» [32, с. 22], оценивается книжником как единственно правильное, идеальное, очищающее от грехов и приводящее к Богу. Не случайно в данном бессюжетном повествовании⁶ оценка не вынесена, как во многих других «девиантных» текстах, в начало или в конец фрагмента; она становится постоянным дискурсивно-эмоциональным элементом, который приводится после каждого упоминания о конкретных действиях людей. Например, упоминание о постриге в преддверии смерти завершается сентенцией: «...и тако въ добрѣ исповѣдани преставляхоуся от всея временныя жизни на онѣ вѣчны свѣт к богу, и душа своя предаша в роуцѣ пришедшим аггелом, а телеса своя гробу» [32, с. 21]. Рассказ о раздаче имущества вызывает рассуждения о том, что «милостынями и вѣроу очищаются грѣхы; и тако оцѣщающа душа своя от грѣх покаянием и слезами, преставляхоуся от сего свѣта на онѣ покои» [32, с. 21].

Но подобные поступки, воспринимаемые как идеальное поведение во время болезней, соответствующее образцу, которому учили отцы церкви, всё же не были типичными. Не случайно в Псковской 1-й летописи описан только один случай массового благостного приготовления к смерти во время мора. Очевидно, по этой причине книжник подкрепляет данные сообщения еще одним фрагментом, позволяющим судить о масштабе охватившей город эпидемии через краткую, но выразительную характеристику особенностей похоронного обряда⁷: «...попове бо не можахоу проводить по единому из дворовъ, за множество оумирающих не оуспѣвати бо, но веляше комоуждо своя мертвыя на церъковныи дворъ водити; об ноцѣ бо оумерших, оутрѣ обрѣташеся до 30-ти или боле скопится оу единой церкви, всѣм тѣм единѣ провод, отпѣвахоу надгробную пѣснь, токмо душевноую молитвоу раздрѣшеноую комоуждо особѣ измольвляхоу, или мужю или женѣ или дѣтем, и тако полагаху по трое или по пяти головъ во единѣ гробѣ» [32, с. 21]. Многочисленность умерших подчеркивается и через сообщение о том, что «нѣгдѣ оуже бѣше погребати» [32, с. 21], и потому хоронили и «подале от церкви» [32, с. 22]. Как и ранее, этот пассаж завершается рассказом о «многом плаче» людей, который также играет роль эмоциональной оценки переживаемой трагедии: «Тогда бѣше многъ плач зѣло и лютое кричание съ горкым рыданием, кто же плакаше своих мертвець: родители о чадѣхъ своих, а чада по родителех своих, и братья по братьи своей, и друзѣ по друзѣх, и жены по мужех своих, и сердоболя вся по сродницех своих, и прочии бо вси плакахоуся о душах своих» [32, с. 22].

Рассказывая о страшной эпидемии, летописец не идеализирует псковичей, отмечая, что, кроме «сердоболя», тех «веледушных», кто самоотверженно и заболевшим (и своим, и чужим) служил, и в последний путь провожал, и оплакивал умерших, были и те, кто «без слез быти» и кто заслужил определение «каменосердѣ человекъ» [32, с. 22]. Они «страхом смертным омрачившеся безоумнии, и своих сродниковъ отвращахоуся тогда» [32, с. 22]. Однако, упомянув о недостойном в экстремальной ситуации поведении «каменосердных», летописец мгновенно возвращается к описанию «веледушных», которые «без соумнѣния и чюжая мертвеца, или сироты или оубога небрегомы, тѣх съпрятаваючи, износяще, погребяху, и память по них творяще...» [32, с. 22].

⁶ Подробнее о специфике бессюжетных «девиантных» текстов см.: [23].

⁷ Подробнее о захоронениях в общих могилах на кладбищах и скудельницах см., например: [19].

Таким образом, развернутое повествование о чуме 1352 г. в Псковской 1-й летописи, почти без изменений повторенное в Псковской 2-й летописи [33, с. 100–102], можно рассматривать как яркий пример бессюжетного «девиантного» текста, запечатлевшего положительное отклонение, дающего летописный практический образец идеального поведения христианина в конкретной экстремальной жизненной ситуации. Исследователь А.Н. Медведь в книге «Болезнь и больные в Древней Руси: от “рудомета” до “дохтура”». Взгляд с позиций исторической антропологии» отмечал: «В основном, летописцы описывают поведение людей во время моровых поветрий довольно благостно: население, подвергшееся эпидемии, понимает, что согрешило, начинает поступать в монастыри, несет вложения в церкви, молится, кается и совершает прочие богоугодные дела» [13, с. 56]. Анализ записей об эпидемиях в Псковской 1-й летописи наводит на размышления о том, что благочестивое, благостное массовое поведение людей не было типично в ситуациях частых моровых поветрий в Пскове. Пространное повествование о чуме 1352 г. книжник завершает объяснением причин, по которым он включил в состав летописи неординарный в сравнении с другими записями рассказ о море: «Се же ми о сем написавшу от многа мало, еже хоудый ми оум постиже и память принесе. Аще кому се не потребно боудет, да соушим по нас оставим, да не до конца забвено будет» [32, с. 22]. Отсутствие подобных записей в других летописных статьях заставляет предположить, что и для самого книжника такое «веледушное» в разных аспектах поведение людей во время чумы 1352 г. не было типичным и потому оказалось достойным запечатления для потомков; текст и финальная запись книжника свидетельствуют прежде всего о необычности такой массовой, но не всеобщей «благости».

Это предположение отчасти подтверждает и рассказ о чуме 1352 г., который читается в Патриаршей или Никоновской летописи и который, несомненно, восходит к псковскому тексту. В нем несколько иначе расставлены акценты. Вслед за псковскими авторами летописец эмфатично выделяет мотив скорости: скоро умирали заболевшие — «сиче же смерть бысть скоро: храхнеть челоуѣкъ кровію, и въ третій день умираше» [31, с. 231]; скоро, «ожидаяще» смерти, люди задумываются о душе — «вси челоуѣци скоро начаша промышляти о душахъ своихъ» [31, с. 223]; многие, кто служил умирающим, «и тии скоро неисцѣлно умираху» [31, с. 224]. Однако, начиная рассказ о раздаче имущества, он пишет «вси челоуѣци», в отличие от составителей Псковской 1-й и 2-й летописей, которые используют слова «мнозѣ», «ови», «друзии». И под «всеми» в Патриаршей летописи понимаются в действительности не все, а только богатые: «богатіи убо челоуѣци даваху святымъ церквамъ и монастыремъ села, озера, и во озерехъ ловища, и въ рѣкахъ части своя и ловища своя, и имѣнія своя» [31, с. 223]. О том, что богатые раздавали имущество в надежде очиститься от грехов и иметь «память вечную», упоминали и псковские летописцы, но не сводили попечение горожан о душе только к этому. Более того, псковские книжники философски замечают, что богатым «всякъ» тщится послужить и «въ животѣ и при смерти» [32, с. 22], в надежде получить что-нибудь от имени их, но «аще кто комоу отдаваху статки живота своего», то и те «борзѣ» умирали [32, с. 22].

В Патриаршей или Никоновской летописи есть и еще одна примечательная зарисовка: при виде огромного количества умерших и в ожидании собственной скорой смерти, был «многъ плачь и рыданіе въ всѣхъ людехъ», и они начинали раздавать свои имения убогим и нищим, но «никто же не взымаше: аще кто что у кого возметь, въ той часъ неисцѣлно умираеть» [31, с. 224]. В таком контексте раздача имущества выглядит весьма сомнительной милостыней и весьма сомнительным попечением о душе, особенно на фоне сокращенного варианта рассказа о самоотвержен-

ной заботе многих псковичей о заболевших и гибели от болезни на возвратном пути новгородского архиепископа Василия, приходившего благословить жителей города по их просьбе. А сопоставление рассказов о чуме 1352 г. в Псковских и Патриаршей или Никоновской летописях свидетельствует о том, что у книжников, очевидно, были разные художественные и идеологические задачи: псковский автор не просто фиксировал страшную страницу в истории города, он воспевал подвиги благости «веледушных» псковичей, исподволь давая читателям представление об идеальном способе переживания моровых поветрий.

Аналогичные случаи описания массовой благости и идеальной модели поведения в экстремальной ситуации встречаются, например, в Летописи Авраамки и в Новгородской летописи по списку П.П. Дубровского; в рассказах о «Настасьином» море 6925 (1417) г. (см.: [16; 24]), «Семеновском» море в Великом Новгороде и его окрестностях 6974–6975 (1466–1467) гг.; эпидемии прыща 7041 (1533) г. Однако, в отличие от Псковской 1-й летописи, в рассказах, например, о «Семеновском» море в Летописи Авраамки и о моровом поветрии 7041 (1533) г. в Новгородской летописи по списку П.П. Дубровского, в центре внимания оказываются, соответственно, прежде всего поступки епископа владыки Ионы и архиепископа Макария, которые разумно организуют жизнь людей во время эпидемий. Так, владыка Иона знаменует выбор строительства церкви по «жребию от престола» [29, стб. 220], совершает многочасовые молебны, велит горожанам строить церковь в честь св. Симеона. Аналогично поступает и архиепископ Макарий, учит всех покаянию, включая священников и дьяконов, тоже совершает многочасовые молебны, велит горожанам рубить церковь, освящает ее в честь св. Марка [30, с. 223]. Летописцы в обоих фрагментах фиксируют реакции людей. Во время «Семеновского» мора все «от мала и велика и отъ дѣтищъ» [29, стб. 220] послушно исполняют повеления владыки Ионы, произносят необычайно благочестивые речи во время строительства церкви: «нынѣ отпушаеши раба своего, Владыко, по глаголу твоему, с миромъ» [29, стб. 220], да и сама смерть «въ агтельскомъ мнишескомъ образѣ» [29, стб. 219] оценивается, что весьма нетрадиционно для летописных рассказов о массовой гибели людей во время моровых поветрий, как «благо», как «великое удивление», «во благодареньи и во благоумьи» [29, с. 219–220]. Во время эпидемии прыща в 7041 (1533) г. новгородцы «с радостью» исполняют повеление архиепископа, а священники «всего града» вместе с «христоименитыми» людьми по благословению архиепископа украшают вновь построенную церковь так, что «яко велми чюдно видѣти» [30, с. 223]. Мотив украшения церкви во время эпидемий столь же необычен для текстов данной тематики, как и упоминание о строительстве обыденного храма в радости, восприятие мора как милости Божией [6, с. 121]. Любопытно, что летописцы сознательно подчеркивают «активизацию феномена устной проповеди», который, по словам Л.С. Соболевой, «приводит к усилению ее роли в системе социального дисциплинирования» [1, с. 643], что нашло отражение во всеобщем радостном исполнении повелений пастырей. В обоих фрагментах, как и в рассказе о чуме 1352 г. в Псковской 1-й летописи, полностью реализуется трехкомпонентная сюжетная схема, характерная для «девиантных» текстов, и в фокусе внимания летописца находится позитивная девиация, сквозь призму которой показана идеальная модель поведения и проживания беды во время эпидемий.

В Летописце 1619–1691 гг. в статье под 7162 (1654) г. читается «девиантный» текст, запечатлевший отрицательное отклонение в поведении людей во время эпидемии. Как и запись из Псковской 1-й летописи, этот фрагмент представляет собой бес-

сюжетное повествование, т. е. перечень ненормальных, с точки зрения «повседневного модуса бытия» [11, с. 2], поступков героев. «Девиантогенным фактором», как и в псковском тексте, становится моровое поветрие, поразившее Москву. Текст имеет трехчастную структуру, в которой отчетливо прослеживаются все три основных элемента общей сюжетной схемы «девиантных» текстов.

Описание исходной ситуации сочетается с традиционной для многих летописных текстов, повествующих о тех или иных бедствиях, трансцендентной оценкой события, которая затем будет распространена автором и на героев: «Того же году иулия в 10-го числа грех ради наших посла бог праведный свой гнев на люди царствующаго града Москвы и окрестных градов и всей Росийския земли, бысть моровое поветрие, пострелными раны помирающе. И того ради запустение бысть в домех» [27, с. 182].

Далее, переходя к самому рассказу о событиях, книжник продолжает использовать традиционный для древнерусской словесности метафизический код, объясняя отклоняющееся поведение людей воздействием на них дьявола: «Враг же диявол, ратуя на православных христиан, попусти, поущая на смертный грех чюжда похищати» [27, с. 182]. Любопытно, что, в отличие от многих других «девиантных» текстов, автор не интригует читателя (как будут развиваться события? как поведут себя герои?), а сразу прямо объявляет, что во время морового поветрия многие занимались грабежом, движимые желанием получить богатство легким путем, без насилия над личностью, без причинения увечий: «Людие же прельщахуся, не убоаяшася страха божия, не воспомянувшe тогда и смертнаго часа, мнящеся впредь себе богатство получитьи, на сие бо прелстишася, иже богатого или и небогатаго дома теми язвами запустеют, а пожитков после их останется много, и те пожитки после умерших начаша имати и грабити сребро, и злато, и многоценныя одежы, или ино что емлюще, приношаху в дома своя...» [27, с. 182].

Ведущим триггер-мотивом в эпизоде становится мотив прельщения богатством. При этом в тексте особо подчеркивается: прельщенных, в отличие от автора, не смущает, что мародерство, хищение чужого имущества, пусть даже и умерших, — это смертный грех. Не вспоминая о смертном часе, не имея страха Божия в душе, они грабят дома и богатых, и бедных; заходят туда, где «язва» и смерть побывали, не опасаясь встретить отпор или заразиться через похищаемое имущество. Цинизм прельщенных настолько поражает книжника, что он (редкий случай в данном фрагменте) оставляет следующую запись без обычного для себя трансцендентного или метафизического комментария: «...а телеса умерших презреша и не радеша о них, оставляху в домех, токмо богатство их емлюще» [27, с. 182].

Ненормальность для христиан подобного поведения во время морового поветрия подчеркивается через прием контраста. Автор противопоставляет прельщенным чужим богатством тех, кто «чюждаго не похищая и ничему не косен в домех померших», кто «взяти боящийся страха божия и смертнаго часа, исповедающеся своих грехов и причастився святых божиих тайн», кто тоже «хождаше промежду умерших» и, видя, что их «некому погребсти», в том числе и из-за того, что и иереи «помроша тою же язвою», «видяще телеса их мертвыя лежаще неустроены», «начаша строити гробы <...> и из тех пустых домов и без иереов изношаху ко храму божию, и без отпева[ния] || в землю ставляше гробов по пяти, и по десяти, и больши, иных же кладуще и без гробов, понеже и плотников не бысть, некому делать» [27, с. 182]. Сопоставление и противопоставление действий нормальных в ситуации морового поветрия и девиантных ведется по одним и тем же параметрам: наличие/отсутствие страха Божьего; помнят/не помнят о смертном часе; грабят/не грабят опустевшие дома; хоронят/не хоронят умерших.

Контрастное сопоставление и противопоставление прельщенных дьяволом и живущих по Божьим законам доводится в летописной статье до логического конца. Книжник описывает финал жизни и тех, и других. Все, кто решился на грабеж, погибли во время эпидемии сами и погубили домашних: «И тою дияволею прелестию погубиша сами себе и дома своя, взявши чюжая, ни един здрав бысть, но вси помирающе и з домашними своими» [27, с. 182]. Те же, кто «сохраняюще мертвые тела», «тем себе спасение получиша и многолетие не токмо себе, но и чадам своим от смертоносных же язвы» [27, с. 182]. Достойное, нормальное для христианина, с точки зрения Божьих и человеческих законов, поведение в экстремальной ситуации защищает, по мнению книжника, от «смертоносной язвы»: «Того ради мнози здрави быша, и не прикоснуся им смертоносная язва» [27, с. 182].

Рассказы о девиантном и нормальном для христианина поведении разделяются в анализируемом фрагменте короткой, но яркой вставкой, описывающей общую ситуацию в Москве: «Умерших же тела лежаше толико много не во единых дворах, и по улицам, яко дрова. И насыщашеся тех умерших телес псы и скоти, свинии и птицы растерзающе. И быша псы, яко лютые зверие, и живущим человеком во царстве проходу не дающе, многих заядающе до смерти» [27, с. 182]. Отстрелом последних занимались посланные боярами и вельможами стрельцы. С одной стороны, эта вставка живо рисует обстановку в городе во время морового поветрия, усугубляя представление об экстремальности, тяжести ситуации, в которой оказались люди, с другой — она разрывает повествование о поведении москвичей и кажется нелогичной, если бы не одно «но». На протяжении всего повествования автор постоянно подчеркивает, что и «за пределами <...> обыденного, обычного жизненного мира» [9, с. 14], в ситуации эпидемии, когда каждый «ожидает себе конца» [27, с. 182], можно и должно вести себя достойно. А любые проявления девиантности, будь то грабеж, небрежение о мертвых, терзание трупов, нападение на живых людей, убийства, носят характер временный и либо прекращаются волею разумно ведущих себя в соответствии с происходящими событиями людей, либо завершаются гибелью самих «девиантов».

В целом, рассмотренные «девиантные» тексты, зафиксировавшие положительное и отрицательное отклонение в поведении людей в экстремальных ситуациях эпидемий, дают яркие летописные образцы антимодели и идеальной модели поведения для христианина. Их отличительной особенностью является не только трехчастная сюжетная схема, но и вплетение оценочных элементов после каждого упоминания о том или ином девиантном или нормальном деянии, что связано с особенностями аргументативной структуры бессюжетного «девиантного» повествования, предполагающей разделение небольших, контрастных по образам и описываемым деяниям перечней короткими или пространными оценочными суждениями летописца.

Список литературы

Исследования

- 1 Белякова Е., Журова Л., Костромин К., Пигин А., Соболева Л. Демоны и еретики в культуре переходной эпохи: историко-литературные и мировоззренческие контексты в исследовательской перспективе // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, №2. С. 633–656. DOI: 10.15826/qr.2023.2.810
- 2 Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России (Материалы и очерки). М.: Гос. изд-во медицинской литературы, 1960. 397 с.

- 3 Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 3-е изд., испр., доп. СПб.: Издат. дом «Алеф-Пресс», 2013. 650 с.
- 4 Демичева Н.А. Человек в осажденном городе: к проблеме изучения «девиантного» текста в историческом повествовании Древней Руси // Вестник славянских культур. 2024. Т. 73. С. 250–260. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-73-250-260>
- 5 Дербек Ф.А. История чумных эпидемий в России с основания государства до настоящего времени: дис. на степ. д-ра мед. Ф. А. Дербека. СПб.: Тип. Я. Трей, 1905. [4], IV, 385, [5] с.
- 6 Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси. М.: Яуза, Эксмо, 2007. 512 с.
- 7 Ермоленко С. «Cholera-morbus» в Москве как литературная ситуация // Quaestio Rossica. 2023. Т. 11, № 1. С. 34–51. DOI: 10.15826/qr.2023.1.774
- 8 Куксо К.А. Эпидемия и трансформации социальной жизни: перспективы сакрализации и дисциплины // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Т. 10. № 5А. С. 132–142. DOI: 10.34670/AR.2021.83.85.015
- 9 Магомед-Эминов М.Ш. Определение экстремальной ситуации // Российский психологический журнал. 2009. Т. 6, № 1. С. 13–24.
- 10 Магомед-Эминов М.Ш. Триада «расстройство – стойкость – рост» как последствия экстремальной ситуации // Акмеология. 2009. № 1. С. 53–63.
- 11 Магомед-Эминов М.Ш. Феномен экстремальности // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2010. Вып. 1. С. 28–38.
- 12 Малахова А.С., Малахов С.Н. Феномен болезни в сознании и повседневной жизни человека Древней Руси (XI – начало XVII века). Армавир: Дизайн-студия Б, 2014. 298 с.
- 13 Медведь А.Н. Болезнь и больные в Древней Руси: от «рудомета» до «дохтура». Взгляд с позиций исторической антропологии. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2017. 288 с.
- 14 Мирский М.Б. Медицина России X–XX веков: Очерки истории. М.: РОССПЭН, 2005 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). 631 с.
- 15 Пенской В.В., Липич В.В., Реутов Н.Н., Артюх А.В. «Бысть мор зол...»: «Черная смерть» XIV века на Руси // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. № 29 (4). С. 1017–1024. <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-4-1017-1024>
- 16 Пенской В.В., Липич Т.И., Бовкунова А.В., Борисова О.С. «Настасьин мор»: великая чума 1417–1425 гг. на Руси // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2022. № 30 (3). С. 517–523. <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2022-30-3-517-523>
- 17 Пермиловская А.Б. Часовня в традиционной культуре Русского Севера // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 4, т. 1 (Гуманитарные науки). С. 248–254.
- 18 Рязанова Н.В. Экстремальное событие и экстремальная ситуация: общие черты и отличительные признаки // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2007. № 1 (33). С. 143–147.
- 19 Сорокин А.Н. Скудельницы древнего Новгорода (к вопросу об особенностях древнерусского погребального обряда в чрезвычайных ситуациях) // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. 2015. № 3. С. 236–262.

- 20 Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. Очерки истории чумы: в 2 кн. М.: Вузовская книга, 2006. Кн. 1: Чума добактериологического периода. 468 с.
- 21 Трофимова Н.В. Древнерусская литература. Военная повесть XI–XVII вв.: Курс лекций; Развитие исторических жанров: Материалы к спецсеминару. М.: Флинта: Наука, 2000. 208 с.
- 22 Туфанова О.А. «Девиянтный» текст в историческом повествовании Древней Руси: к постановке проблемы // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 23 / Ин-т мировой литературы РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 265–302. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-265-302>
- 23 Туфанова О.А. О художественной специфике бессюжетных «девиантных» текстов в летописях // *Studia Litterarum*. 2024. Т. 9, №4. С. 160–181. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-4-160-181>
- 24 Хайдаров Т.В. Новгородский мор «лета 6825–6928» // *Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах* / отв. ред. П.И. Гайденко. СПб., 2017. Вып. 8. С. 304–309.
- 25 Хайдеггер М. Бытие и время / [пер. с нем. В.В. Бибихина]. М.: Академический проект, 2015. XI, 447, [1] с.
- 26 Эккертман В. Материалы для истории медицины в России (История эпидемий X–XVIII в.). Казань: Тип. В.М. Ключникова, 1884. 55 с.

Источники

- 27 Летописец 1619–1691 гг. // Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1968. Т. 31: Летописцы последней четверти XVII в. / ред. тома В.И. Буганов. С. 180–205.
- 28 Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1913. Т. 18: Симеоновская летопись / под ред. А.Е. Преснякова. 325 с.
- 29 Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею. СПб.: Тип. Ф. Елеонского, 1889. Т. 16: Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки / ред. тома А.Ф. Бычков, К.Н. Бестужев-Рюмин. 320 стб., 69, [5] с., [2] л. факс.
- 30 Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 43: Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского / подгот. к печати О.Л. Новиковой. 382 с.
- 31 Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. М-ва Внутренних дел, 1885. Т. 10. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью / под ред. А.Ф. Бычкова. 256 с.
- 32 Псковские летописи. Выпуск первый / 2 т.; пригот. к печати А. Насонов. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1941–1945, 1941. LXIV, 148 с.
- 33 Псковские летописи. Выпуск второй / под ред. А.Н. Насонова. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 364 с., 2 л. ил.

© 2025 г. Olga A. Tufanova
Moscow, Russia

THE SPECIFICS OF CHRONICLE STORIES ABOUT DEVIANT BEHAVIOR OF PEOPLE IN EXTREME SITUATIONS OF EPIDEMICS

Acknowledgements: The study was completed with the support of the Russian Science Foundation (project no. 24-28-00091, <https://rscf.ru/en/project/24-28-00091/>) at IWL RAS.

Abstract: The paper deals with the aesthetic features of stories about epidemics in the chronicles. Like other records about recurring extreme historical events, they are presented in two main forms. In most cases, reports about an epidemic resemble a weather record, which can be regarded as a certain normative form of narration about this extreme event. A number of stable speech formulas were developed in terms of this narrative form, reflecting the specifics of the pathogenic situation and situationally deviant behavior of people. The unfolding narratives of the epidemics, which recorded both positive and negative deviance, provide vivid annalistic examples of the anti-model and ideal model of behavior for the Christian during pestilences. Deadly diseases suddenly striking people are portrayed as peculiar stressors leading to “deviant” behavior, which expresses itself in extreme manifestations of either collective piety and active charity (the story of the plague of 1352 in the Pskov First Chronicle, Pskov Second Chronicle, and Patriarchal or Nikon Chronicle; the story of the “Semyonovskoye” sea in Veliky Novgorod and its environs in 1466–1467 in Avraamka’s Chronicle; the story about the pestilence of 1533 in the Novgorod Chronicle according to the manuscript of P.P. Dubrovsky), or mass cynicism and looting (the story about the pestilence of 1654 in Moscow in the Chronicle of 1619–1691). “Deviant” texts about epidemics are characterized not only by the three-component plot structure, but also by the interweaving of evaluative remarks after each mention of a particular act, which is connected with the peculiarities of the argumentative structure of the plotless “deviant” narrative. The latter presupposes alternating small lists, contrasting in images and described acts, with short or long evaluative judgments of the chronicler.

Keywords: chronicle, “deviant” text, narratives of epidemics, pestilence, plot structure, motif of death, narrative forms, deviant behavior.

Information about the author: Olga A. Tufanova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2254-7969>

E-mail: tufoa@mail.ru

Received: April 14, 2025

Approved after reviewing: May 14, 2025

Date of publication: June 25, 2025

For citation: Tufanova, O.A. “The Specifics of Chronicle Stories about Deviant Behavior of People in Extreme Situations of Epidemics.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 76, 2025, pp. 107–122. (In Russ.)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-76-107-122>

References

- 1 Beliakova, E., Zhurova, L., Kostromin, K., Pigin, A., Soboleva, L. Demony i eretiki v kul'ture perekhodnoi epokhi: istoriko-literaturnye i mirovozzrencheskie konteksty v issledovatel'skoi perspektive [Demons and Heretics in Transitional Culture: Historical-Literary and Attitudinal Contexts in a Research Perspective]. *Quaestio Rossica*, vol. 11, no. 2, 2023, pp. 633–656. DOI: 10.15826/qr.2023.2.810 (In Russ.)
- 2 Vasil'ev, K.G., Segal, A.E. *Istoriia epidemii v Rossii (Materialy i ocherki)* [History of Epidemics in Russia (Materials and Essays)]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvomedit'sinskoi literatury Publ., 1960. 397 p. (In Russ.)
- 3 Gilinskii, Ia. Deviantologiya: sotsiologiya prestupnosti, narkotizma, prostitutsii, samoubiistv i drugikh "otklonenii" [Deviantology: Sociology of Crime, Narcotism, Prostitution, Suicide, and Other "Deviations"]. 3rd ed., corr. and rev. St. Petersburg, Izdatel'skii dom "Alef-Press" Publ., 2013. 650 p. (In Russ.)
- 4 Demicheva, N.A. "Chelovek v osazhdennom gorode: k probleme izucheniia 'deviantnogo' teksta v istoricheskom povestvovanii Drevnei Rusi" [Man in a Besieged City: On the Problem of Studying the 'Deviant' Text in the Historical Narrative of Ancient Rus]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 73, 2024, pp. 250–260. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-73-250-260> (In Russ.)
- 5 Derbek, F.A. *Istoriia chumnykh epidemii v Rossii s osnovaniia gosudarstva do nastoiashchego vremeni: dissertatsiia na step. d-ra med. F.A. Derbeka* [History of Plague Epidemics in Russia from the Foundation of the State to the Present: Dissertation for the Degree of Dr. of Medicine F.A. Derbek]. St. Petersburg, Tipografiia Ia. Trei Publ., 1905. [4], IV, 385, [5] p. (In Russ.)
- 6 Dolgov, V.V. *Byt i nryvy Drevnei Rusi* [Everyday Life and Customs of Old Rus]. Moscow, Iauza, Eksmo Publ., 2007. 512 p. (In Russ.)
- 7 Ermolenko, C. "Cholera-morbus' v Moskve kak literaturnaia situatsiia" ["Cholera Morbus' in Moscow as a Literary Situation"]. *Quaestio Rossica*, vol. 11, no. 1, 2023, pp. 34–51. DOI: 10.15826/qr.2023.1.774 (In Russ.)
- 8 Kukso, K.A. "Epidemiia i transformatsii sotsial'noi zhizni: perspektivy sakralizatsii i distsipliny" ["Epidemic and Transformations of Social Life: Prospects for Sacralization and Discipline"]. *Kontekst i refleksii: filosofii o mire i cheloveke*, vol. 10, no. 5A, 2021, pp. 132–142. DOI: 10.34670/AR.2021.83.85.015 (In Russ.)
- 9 Magomed-Eminov, M.Sh. "Opredelenie ekstremal'noi situatsii" ["Definition of an Extreme Situation"]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal*, vol. 6, no. 1, 2009, pp. 13–24. (In Russ.)
- 10 Magomed-Eminov, M.Sh. "Triada 'rasstroistvo – stoikost' – rost' kak posledstviia ekstremal'noi situatsii" ["The Triad 'Disorder – Resilience – Growth' as Consequences of an Extreme Situation"]. *Akmeologiya*, no. 1, 2009, pp. 53–63. (In Russ.)
- 11 Magomed-Eminov, M.Sh. "Fenomen ekstremal'nosti" ["The Phenomenon of Extremality"]. *Vestnik SPbGU. Ser. 12*, iss. 1, 2010, pp. 28–38. (In Russ.)
- 12 Malakhova, A.S., Malakhov, S.N. *Fenomen bolezni v soznanii i povsednevnoi zhizni cheloveka Drevnei Rusi (XI – nachalo XVII veka)* [The Phenomenon of Disease in the Consciousness and Everyday Life of a Person in Old Rus (11th – Early 17th Century)]. Armavir, Dizain-studiia B Publ., 2014. 298 p. (In Russ.)
- 13 Medved', A.N. *Bolezn' i bol'nye v Drevnei Rusi: ot "rudometa" do "dokhtura". Vzgliad s pozitsii istoricheskoi antropologii* [Disease and the Sick in Old Rus: From "Ore Thrower" to "Doctor". A View from the Position of Historical Anthropology]. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2017. 288 p. (In Russ.)

- 14 Mirskii, M.B. *Meditsina Rossii X–XX vekov: Ocherki istorii* [Medicine of Russia in the 10th–20th Centuries: Essays on History]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2005 (GUP IPK Ul'ian. Dom pečati). 631 p. (In Russ.)
- 15 Penskoï, V.V., Lipich, V.V., Reutov, N.N., Artiukh, A.V. “‘Byst' mor zol...’: ‘Chernaia smert’ XIV veka na Rusi” [“‘There was a plague...’: ‘Black Death’ of the 14th Century in Rus”]. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniia i istorii meditsiny*, no. 29 (4), 2021, pp. 1017–1024. <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-4-1017-1024> (In Russ.)
- 16 Penskoï, V.V., Lipich, T.I., Bovkunova, A.V., Borisova, O.S. “‘Nastas'in mor’: velikaia chuma 1417–1425 gg. na Rusi” [“‘Nastasya's plague’: the Great Plague of 1417–1425 in Rus”]. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniia i istorii meditsiny*, no. 30 (3), 2022, pp. 517–523. <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2022-30-3-517-523> (In Russ.)
- 17 Permilovskaia, A.B. “Chasovnia v traditsionnoi kul'ture Russkogo Severa” [“Chapel in the Traditional Culture of the Russian North”]. *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, no. 4, vol. 1 (Gumanitarnye nauki), 2010, pp. 248–254. (In Russ.)
- 18 Riazanova, N.V. “Ekstremal'noe sobytie i ekstremal'naia situatsiia: obshchie cherty i otlichitel'nye priznaki” [“Extreme Event and Extreme Situation: Common Features and Distinctive Characteristics”]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, no. 1 (33), 2007, pp. 143–147. (In Russ.)
- 19 Sorokin, A.N. “Skudel'nitsy drevnego Novgoroda (k voprosu ob osobennostiakh drevnerusskogo pogrebal'nogo obriada v chrezvychainykh situatsiiakh)” [“Skudel'nitsy of Ancient Novgorod (on the Issue of the Peculiarities of the Ancient Russian Burial Rite in Emergency Situations)”]. *Istoricheskie issledovaniia. Zhurnal Istoricheskogo fakul'teta MGU im. M.V. Lomonosova*, no. 3, 2015, pp. 236–262. (In Russ.)
- 20 Supotnitskii, M.V., Supotnitskaia, N.S. *Ocherki istorii chumy: v 2 kn.* [Essays on the History of Plague: in 2 Books]. Moscow, Vuzovskaia kniga Publ., 2006. Book 1: Chuma dobakteriologicheskogo perioda [Plague of the Pre-Bacteriological Period]. 468 p. (In Russ.)
- 21 Trofimova, N.V. *Drevnerusskaia literatura. Voinskaia povest' XI–XVII vv.: Kurs lektsii; Razvitie istoricheskikh zhanrov: Materialy k spetsseminaru* [Old Russian Literature. Military Tale of the 11th–17th Centuries: Lecture Course; Development of Historical Genres: Materials for a Special Seminar]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2000. 208 p. (In Russ.)
- 22 Tufanova, O.A. “‘Deviantnyi’ tekst v istoricheskom povestvovanii Drevnei Rusi: k postanovke problemy” [“‘Deviant’ Text in the Historical Narration of Old Russia: to the Problem Statement”]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Issue 23. Ed.-in-chief O. A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., pp. 265–302. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-265-302> (In Russ.)
- 23 Tufanova, O.A. “O khudozhestvennoi spetsifike bessiuzhetnykh ‘deviantnykh’ tekstov v letopisiakh” [“On Specific Aesthetic Features of the Plotless ‘Deviant’ Texts in Chronicles”]. *Studia Litterarum*, vol. 9, no. 4, 2024, pp. 160–181. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-4-160-181> (In Russ.)
- 24 Khaidarov, T.V. “Novgorodskii mor ‘leta 6825–6928’.” [“Novgorod Plague of the ‘Summers of 6825–6928’.”]. *Drevniaia Rus': vo vremeni, v lichnostiakh, v ideiakh. Al'manakh* [Old Rus': in Time, in Personalities, in Ideas. Almanac]. Issue 8, ex. ed. P.I. Gaidenko. St. Petersburg, 2017, pp. 304–309. (In Russ.)

- 25 Heidegger, M. *Bytie i vremia* [*Being and Time*], transl. from German by V.V. Bibikhin. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2015. XI, 447, [1] p. (In Russ.)
- 26 Ekkerman, V. *Materialy dlia istorii meditsiny v Rossii (Istoriia epidemii Kh–XVIII v.)* [*Materials for the History of Medicine in Russia (History of Epidemics of the 10th–18th Centuries)*]. Kazan', Tipografia V.M. Kliuchnikova Publ., 1884. 55 p. (In Russ.)